

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70
УДК 821.161.1

Влияние ветхозаветных реминисценций в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв» на художественно-философскую систему пьесы И.М. Левина «Моисей»

Ирина Олеговна МАШЕНКОВА^{1,2} ✉

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117

✉ vladirmuseum@rambler.ru

Аннотация. Исследованы сюжеты и образы Ветхого Завета в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв». Актуальность исследования определена необходимостью как всестороннего рассмотрения возможных интерпретаций поэмы, так и привлечения внимания к её творческому воздействию на литературу русской эмиграции. Целью исследования стало выявление в поэме С.А. Есенина «Пугачёв» ветхозаветных реминисценций и определение их влияния на религиозно-философское содержание пьесы И.М. Левина «Моисей». Теоретической основой исследования послужил тезис об интертекстуальности поэмы «Пугачёв», выдвинутый Н.И. Шубниковой-Гусевой. В ходе исследования проведён сопоставительный анализ художественных структур поэмы С.А. Есенина «Пугачёв» и пьесы И.М. Левина «Моисей». На основании выявления общих элементов композиционной организации и поэтического языка этих произведений сделан вывод о том, что пьеса И.М. Левина представляет собой своеобразную рецепцию библейских реминисценций «Пугачёва», связанных с исходом израильтян из Египта. При сопоставлении текста «Пугачёва» с книгой Исхода выявлен ветхозаветный подтекст, который стал главным объединяющим фактором образной системы поэмы. В совокупности с уже ранее обозначенными в есениноведении новозаветными мотивами поэмы ветхозаветные реминисценции свидетельствуют о её глубоком религиозно-философском содержании.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг.; литература русского зарубежья; «Пугачёв» С.А. Есенина; «Моисей» И.М. Левина; Ветхий Завет; литературные реминисценции

Для цитирования: Машенкова И.О. Влияние ветхозаветных реминисценций в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв» на художественно-философскую систему пьесы И.М. Левина «Моисей» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 62-70. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The influence of Old Testament reminiscences in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev” on the artistic and philosophical system of the play by I.M. Levin “Moses”

Irina O. MASHENKOVA^{1,2} ✉

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University

117, MaChang Rd., Tianjin 300072, People’s Republic of China

✉ vladirmuseum@rambler.ru

Abstract. The work examines the plots and images of the Old Testament in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev”. The relevance of the study is determined by the need for both a comprehensive consideration of possible interpretations of the poem and drawing attention to its creative impact on the literature of the Russian emigration. The aim of the study is to identify in the poem by S.A. Yesenin “Pugachev” of the Old Testament reminiscences and determination of their influence on the religious and philosophical content of the play by I.M. Levin “Moses”. The theoretical basis of the study is the thesis about the intertextuality of the poem “Pugachev”, put forward by N.I. Shubnikova-Guseva. In the course of the study, a comparative analysis of the artistic structures of the poem by S.A. Yesenin “Pugachev” and plays by I.M. Levin “Moses”. Based on the identification of common elements of the compositional organization and poetic language of these works, it is concluded that the play by I.M. Levin is a kind of reception of the biblical reminiscences of “Pugachev” associated with the exodus of the Israelites from Egypt. When comparing the text of “Pugachev” with the book of Exodus, the Old Testament subtext is revealed, which became the main unifying factor of the figurative system of the poem. Together with the New Testament motifs of the poem already indicated in Yesenin studies, the Old Testament reminiscences testify to its deep religious and philosophical content.

Keywords: Russian literature of the 1920s; literature of Russia Abroad; “Pugachov” by S.A. Yesenin; “Moses” by I.M. Levin; the Old Testament; literature reminiscences

For citation: Mashenkova I.O. Vliyaniye vetkhozavetnykh reministsentsiy v dramaticheskoy poeme S.A. Esenina «Pugachëv» na khudozhestvenno-filosofskuyu sistemu p'yesy I.M. Levina «Moisey» [The influence of Old Testament reminiscences in the dramatic poem by S.A. Yesenin “Pugachev” on the artistic and philosophical system of the play by I.M. Levin “Moses”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 62-70. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-62-70 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Драматическая поэма С.А. Есенина «Пугачёв» на протяжении многих лет продолжает оставаться в центре пристального внимания литературоведов. Фундаментальный труд Н.И. Шубниковой-Гусевой [1] стал основой для поиска современными исследователями творческих параллелей между «Пугачёвым» и произведениями других авторов – в первую очередь, «Капитанской дочкой» и «Историей пугачёвского бунта» А.С. Пушкина (С.Н. Пяткин, А.А. Севастьянова и др.) [2–3], а также романом М.Ю. Лермонтова

«Вадим» (В.А. Сухов) [4], поэмой В.В. Маяковского «Про это» (М.А. Галиева) [5], трагедией А.Б. Мариенгофа «Заговор дураков» (В.А. Сухов) [6], романом С.А. Ауслендера «Пугачёвщина» (Н.А. Евсина) [7] и др. Успешность этих сопоставлений обусловлена художественной многоплановостью «Пугачёва». Н.И. Шубникова-Гусева отмечала глубину интертекстуальности драматической поэмы: «Историческим или историко-документальным характером есенинский «Пугачёв» не исчерпывается, напротив, эта поэма

созвучна не только событиям, происходящим в послереволюционной России, но имеет универсальное значение» [1, с. 162]. Она обратила внимание на мотивы Нового Завета в «Пугачёве», обогатившие поэму философским подтекстом. Эти мотивы, по её убеждению, акцентируются и рисунком С.А. Есенина «Колосья» на полях рукописи «Пугачёва»: «Есенин выявляет евангельское значение имени – Пётр – камень, которое связано с «твердыней веры» и благодаря оппозиции Емельян – Пётр даёт ему дополнительный смысл – хлеб – камень, который является зеркальным отражением евангельской притчи о том, как «камни сии сделались хлебами» (Мф. 4: 3)» [8, с. 304].

Поскольку Священное Писание едино и цельно, между Ветхим и Новым Заветом существует тесная неразрывная связь: по выражению блаженного Августина, «Новый Завет в Ветхом скрывается, Ветхий в Новом открывается», то представляется возможным выявление новозаветных реминисценций в «Пугачёве». В этой связи может быть весьма значимым соотнесение «Пугачёва» с пьесой писателя и художника, эмигранта И.М. Левина «Моисей» (1971). Уже была предпринята попытка с помощью этого сопоставления проследить влияние Есенина на творчество Левина как одного из представителей литературы русского зарубежья [9]. Цель исследования – выявить ветхозаветные реминисценции в поэме Есенина «Пугачёв» и доказать, что они повлияли на художественную структуру и религиозно-философское содержание пьесы Левина.

Пьеса «Моисей» написана И.М. Левиным в соавторстве с братом, поэтом и журналистом В.М. Левиным, но закончена уже после смерти последнего. Обоих братьев с Есениным связывало личное знакомство, переросшее в дружбу, деловые и творческие связи: И.М. Левин встречался с Есениным в Москве, В.М. Левин также сотрудничал с ним в столице и неоднократно общался с поэтом в Америке. Литературное наследие братьев Левиных включает ряд работ, посвящённых Есенину: воспоминания В.М. Левина «Есенин в Америке»; «О Есенине»; статьи И.М. Левина «Сергей Есенин»; «А. Блок, С. Есенин и В. Маяковский» [10], которые свидетельствуют об их неугасающем интере-

се к творчеству поэта. Особое внимание ими было уделено «Пугачёву». В.М. Левин передаёт впечатление от монолога Хлопуши, прочитанного Есениным 27 января 1923 г. в Бронксе: «Есенин читал протяжно, настойчиво, изумительно трогая сердце искренностью своего тона и простотой образов, иногда царапающих нас своей народностью и неожиданностью, но сближающих с ним. Это были образы не нарочито подобранного фольклора, а собственной его жизни, его детства и отрочества» [10, с. 191].

Упоминание об образах детства и отрочества относится как к крестьянским мотивам, так и к библейским, на которые Левины чутко реагировали. Они выросли в иудейской семье, где события Ветхого Завета с детства воспринимались ими как часть их собственной жизни: «Были мы рабами у египтян, и Бог послал Моисея спасителем от рабства. И дал ему силу и приказ навести на фараона и его страну десять казней за то, что не хотел фараон отпустить еврейский народ для свободного служения Богу» [10, с. 52]. В автобиографической повести «Золотое детство» В.М. Левин воспроизводит яркие образы детской фантазии, оживляющей ветхозаветные истории: «Тогда пришла цвардея – жабы напали на Египет – войдёшь в квартиру, а на кроватях и на столах, за занавесочками – везде жабы... И до чего же страшно было по ночам, когда жабы кричали басом: крак, крак, крак... Дети, наверно, очень пугались» [10, с. 53]. В то же время братья охотно посещали в школе уроки Закона Божия, ходили с русскими друзьями тайком от родителей и в церковь, и в синагогу – и мечтали о единой вере для всех. Детские попытки осмысления переросли в духовный поиск, который Левины соотносили с богоисканием Есенина [11]. Итогом их духовных исканий стало принятие ими православной веры.

Переход из иудаизма в христианство сопровождался длительными глубокими размышлениями, о которых можно судить по имеющейся у автора статьи переписке Левиных. Они полагали, что на этот шаг можно решиться лишь при условии глубокого изучения обеих религий: «Нужно Бога узнать Саваофа, а потом Христа»¹, – писал брату

¹ Письмо И.М. Левина В.М. Левиному от 23.04.1932 г. // Личный архив И.О. Машенковой и В.П. Середы.

Иосиф Левин. Братья приняли крещение в 1932 г., когда старшему было уже 40, а младшему 38 лет. О степени их компетентности в вопросах богословия можно судить по следующему факту: в 1937 г. Экзарх Московской Патриархии в Америке Вениамин (Федченков) организовал в Нью-Йорке богословские курсы, где в числе преподавателей был и В.М. Левин [12, с. 101].

В связи с этим представляется вполне закономерным, что у Левиных родился замысел пьесы на библейскую тему. Это сложное многоплановое произведение, охватывающее события от явления Божия Моисею у горы Хорив (Исх. 3:3) до его прощального обращения к израильтянам через сорок лет и восхождения на вершину горы Фасги (Втор. 3). Сюжет Исхода, взятый за основу, был соединён с другой ветхозаветной темой – Песней Песней. Переложения Песен царя Соломона, сделанные В.М. Левиным, были опубликованы отдельно в посмертном сборнике его стихотворений «Лик сокровенный» (Нью-Йорк, 1954). В пьесе эти стихи вложены в уста главного героя либо адресованы ему: левинский Моисей любит и любим. Смелое и органичное соединение эпического и лирического, позволившее создать яркий и впечатляющий образ, оценили и критики. Русскоязычная нью-йоркская газета «Новая заря» опубликовала рецензию А. Горелова, отмечавшего новый, нестандартный подход к изображению библейского героя: «Иосиф Левин... модернизировал образ великого пророка, он снял наложенный на него великими авторами грим и показал его в виде человека обыкновенного, по крайней мере, в начале его восхождения к высоте» [13].

Вместе с тем И.М. Левин вплетает в сюжет свою излюбленную тему – рассуждения о природе красоты. В «Трактате о сюрконсьянсиллизме» (1962) он изложил свои художественные принципы, основанные на эстетической концепции «Ключей Марии» Есенина [14], и с тех пор неоднократно обращался к толкованию своей идеи в статьях и книгах. О принципах сюрконсьянсиллизма Левин пишет в статьях для газеты «Новая заря»: «О театре В.Э. Мейерхольда» (1965), «Космос и фантастика» (1973) и др., а также посвящает им эпизод в романе «Адамово зачатие» (1976). В пьесе эта идея обозначена риторическим во-

просом Моисея: «Разве дух и красота не исходят из одного источника?» [15, с. 68] и последующими рассуждениями, но всего выразительнее она отражена в сцене на базаре в пустыне. Левин противопоставляет своему пониманию красоты как дара Божьего меркантильные представления о ней. Пресытившись манной небесной, предприимчивые израильтяне делают из неё пудру, которая пользуется спросом у женщин, страдающих без косметики:

«Четвёртый продавец: Пудра, пудра из манной небесной, сам Бог послал. Кому, кому, налетайте, дамы и девицы» [15, с. 76].

Нельзя не выделить в пьесе и ещё одну тему, которая всегда оставалась ключевой для Левиных: Есенин, его творчество и их дружба. Он служит прототипом молодого поэта, несправедливо обвинённого в краже винограда. Моисей просит его почитать стихи – и этот эпизод соотносится с воспоминаниями И.М. Левина о неудавшихся попытках запечатлеть на холсте образ товарища: «Много раз мы с Есениным собирались писать его портрет, но стоило только начать, как приходила толпа почитателей и просили читать стихи» [10, с. 304]. Стихотворные вставки в пьесе реминисцентны: они содержат тропы, во многом созвучные лирике Есенина. Так, например, есенинская метафора «как холстины, ползли облака» (Заглушила засуха засевки...) [16, с. 67] в «Моисее» повторяется почти дословно, даже с соблюдением ритма: «растянулись холстом облака» [15, с. 51]. Есенинский образ «кувшина луны», с динамикой, нарушающей границу между небесным и земным пространством:

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берёз! [16, с. 154]

у Левина трансформируется в «ведро месяца», также соединяющего небо и землю:

Зачерпнул ведром
Месяц звёздную высь
И кривым черенком
На утёсе повис [15, с. 52].

Отмечая в пьесе Левина метафоры уподобления крестьянскому миру, характерные для поэтики Есенина, и употребление заим-

ствованной из есенинского словаря крестьянской лексики («ивняк», «ржавь», «хмарь», «тьма», «мрежи»), стоит обратить внимание на то, что для Левина, чьё детство и юность, в отличие от Есенина, прошли в Петербурге и Москве, крестьянская лексика отнюдь не была родной и органичной. Лишь оказавшись вдали от родины и стремясь на протяжении многих лет сохранить в русской эмигрантской среде русский, есенинский дух, Левин интуитивно чувствует его именно в крестьянских образах и метафорах.

Однако Левину не всегда удаётся следовать стилистике Есенина при отсылке к его образам. Так, воспроизводя узнаваемые строки из «Пантократора» («Не молиться тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь» [17, с. 73]), Левин заменяет «грубое» для ветхозаветного сюжета слово «лаяться» на нейтральное «ругаться»:

Держа на устах
Имя Твоё,
Молось и ругаюсь [15, с. 60].

Несколько иным образом трансформируется левинская аллюзия на стихотворение Есенина «Корова». Здесь знакомый сюжет и естественная для него крестьянская лексика дополняется совершенно чужеродным словом «монтаньяры» (от фр. *Montagnard* – ‘горцы’):

Плыл коровий му,
Коровьего сердца удары,
Это тягостный мык по телку,
Что на бойню свели монтаньяры [15, с. 51].

Подобное проявление лексической интерференции является неотъемлемой и неизбежной характеристикой речи эмигрантов, и надо отдать должное тем из них, кто, включая Левина, боролся за чистоту родного языка, преодолевая трудности в собственной речи и помогая их исправлять другим. Одним из частных примеров могут служить письма Иосифа Левина к дочери брата Вениамина, родившейся и выросшей во Франции, о необходимости правильного владения русским языком как основой родной культуры.

На фоне есенинского мотива в пьесе «Моисей» особенно отчётливо проявляется её композиционное сходство с «Пугачёвым»

Есенина. Пьеса также названа по имени главного героя. Как и «Пугачёв», она состоит из восьми картин. Из шестнадцати персонажей «Пугачёва» – один вымышленный (Крямин) и одному Есенин «сочинил биографию» (Бурнов) [18, с. 525]. Из пятнадцати персонажей «Моисея» – двое с вымышленной биографией (Дебора и Онан). Если отвлечься от конкретных имён и событий, лёгших в основу сюжетов этих произведений, их фабула одинакова: герой ведёт людей, поверивших в его высшее предназначение и объединившихся под его началом, к свободе и лучшей жизни. Изнурённые длительным походом, люди отчаиваются и теряют надежду на благополучный исход. Заговорщики предлагают сдать на милость неприятеля. В финале звучит предсмертный монолог героя.

В.М. Левин оценивал поэзию Есенина как «мир тайный, духовный, религиозно-христианский»². В этой связи можно предположить, что библейские реминисценции в художественной структуре поэмы «Пугачёв» были очевидны для Левина. Поэтому у них возникла идея создания пьесы «Моисей».

Сопоставление поэмы с книгой Исхода доказывает обоснованность подобной рецепции «Пугачёва». В начале поэмы герой приходит к родному славянскому племени, движимый тревогой за его судьбу, а затем воссоединяется с ним:

В солончаковое ваше место
Я пришел из далёких стран –
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян [18, с. 8].

О возвращении героя к своему народу в раздумьях и заботах о нём, мыслях о соединении с ним говорится и в книге Исхода: «И пошёл Моисей, и возвратился к Иофору, тестю своему, и сказал ему: пойду я, и возвращусь к братьям моим, которые в Египте, и посмотрю, живы ли ещё они?» (Исх. 4:18).

В обоих произведениях тревога за судьбу родного племени оказалась не напрасной. В первой главе «Пугачёва» указывается на притеснение народа властью, его жестокое

² Левин В.М. Большевицкий поэт – товарищ Есенин (к 25-й годовщине его смерти) // РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 589.

изнурение полевой работой, о притеснении народов окраин:

Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот...
.....
...И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ [18, с. 9].

В первой главе книги Исхода также показана тяжёлая работа, в том числе полевая, и жестокое угнетение израильтян египетским фараоном: «...И делали жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью» (Исх. 1:14).

Указать народу путь к спасению может лишь тот, кто избран для этого Всевышним. Знак Божественной избранности Моисея – жезл, которым Господь повелел ему творить знамения, чтобы утратить фараона и убедить его в Божественном могуществе: «...И жезл сей [который был обращён в змея] возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения» (Исх. 4:17). У Есенина жезл, посох как символ власти, Божественного избрания упоминается в словах сторожа о высшем предназначении странников, подобных Пугачёву:

Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
[18, с. 12]

Можно отметить отсылки к Ветхому Завету и в главе «Бегство калмыков». В книге Исхода Моисей уводит своих людей и весь скот ночью, после того как в полночь погибли все первенцы в Египте: «И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхор до шестисот тысяч пеших мужчин, не считая детей; и множество разноплеменных людей вышли с ним и мелкий и крупный скот, стадо весьма большое» (Исх. 12:37-38).

В главе «Бегство калмыков» калмыки также уходят ночью, забрав с собою скот:

Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собою весь скот [18, с. 14].

Одинаковы и опасения власти в отношении к притесняемому народу. Фараон опасается, что израильтяне перейдут на сторону неприятеля, и призывает к немедленной погоне: «...Иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли нашей» (Исх. 1:10).

Такие же опасения о воссоединении беглецов с неприятелем высказывает Тамбовцев и призывает к немедленному их преследованию:

Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась [18, с. 14].

На библейский подтекст в картине бегства калмыков обращает внимание и Д.В. Польш, называя её «исходом калмыков» в Китай. При этом он отмечает: «В интерпретации С. Есенина выступление яицких казаков, «побег калмыков» и пугачёвский бунт сливаются в единое целое» [19, с. 32]. Это единство, обусловленное, по мнению Д.В. Поля, «актуальным для революционных лет тезисом о родстве эксплуатируемых», подкрепляется и общим ветхозаветным подтекстом этих картин. Так, в словах Кирпичникова выражено общее представление об исходе как лучшей доле для всех притесняемых: «В новый край, чтоб новой жизнью жить» [18, с. 15].

Представление о «новом крае» и «новой жизни» соотносится с обетованием, данным израильскому народу: «...И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд» (Исх. 3:8).

Народ, столкнувшийся с трудностями и лишениями на пути в «новый край», разуверившийся в обетовании, начинает роптать. В тревожных предчувствиях Шигаева «Что-то должно случиться. / Говорят, наступит глад и мор» [18, с. 35] отражены бедствия, неоднократно упоминаемые в Ветхом Завете как Божья кара (меч, голод и мор). В главе «Ветер качает рожь» Чумаков говорит, что предпочёл бы смерть дома безнадежному и беспечному скитанию:

Лучше было б погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим
свадьбищем,

Чем струить эти пальцы пятерками
 пылающих свеч,
 Чем нести это тело с гробами надежд, как
 кладбище! [18, с. 40]

Ропот казаков в «Пугачёве» выражен сходным образом с ропотом израильтян, также желавших скорее умереть дома сытыми и спокойными нежели быть обречёнными на голодную смерть в безнадёжном пути: «...О, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом» (Исх. 16:3).

Сцена расправы казаков с Пугачёвым, не оправдавшим их веры, соотносит его образ с самым главным мотивом Ветхого Завета – мотивом пророчества. Отсылки к этому мотиву встречаются в поэме неоднократно: это пугающие казаков видения «лошадиного черепа» луны и ольхи «с пробитой башкой», дважды повторенное сравнение птиц с крестами [18, с. 24, 41], осенняя сырость, которую Пугачёв воспринимает как предсказание смерти:

Это осень, как старый оборванный монах,
 Прочитит кому-то о погибели вещи [18, с. 24].

Однако ветхозаветный пророк – не только предсказатель. Прежде всего он – проводник Божественной воли. В этом плане новое значение в поэме обретают образы луны и колокола. Луна, отражающая солнечный свет, становится проводником этого света, так же как колокол становится проводником воли в него звонящего. Таким образом, «колокол луны», о котором говорит сторож после встречи с Пугачёвым, дважды отсылает к мотиву пророчества. Пугачёв называет избы «деревянными колоколами», слышит «благовест бунтов»; звон колокола звучит и в словах других персонажей: Хлопуша предлагает «трахнуть по липовой меди», Зарубин слышит «звань к оружью». Образ луны, рож-

дающей, развивающейся, умирающей, появляется в шести из восьми глав поэмы. Пугачёв сравнивает свою душу со «зверёньшем тёплым» в берлоге, а луну – с жёлтым медведем, тем самым уподобляя её своей душе. Насыщенность поэмы образами луны и колокола, окружающими Пугачёва, придаёт ему ореол пророка. Подтверждением наличия такого ореола может служить вопрос Караваява: «Тебе ж недаром верят?» [18, с. 21].

Выявленный в драматической поэме «Пугачёв» библейский подтекст, связанный с историей исхода израильтян из Египта – не единственная отсылка к книге Исхода в творчестве Есенина. Этой же темой связано и стихотворение «Не в моего ты Бога верила»: образы «пророк» и «неопалимая купина» соотносятся с Моисеем и явлением ему Ангела Господня в пламени огня из неопалимого тернового куста; «колдунья», «царевна сонная» соотносятся с египетской царевной, воспитавшей Моисея-«пасынка». Лирический герой, как Моисей, стремится спасти свою страну и вывести её к радостной жизни в неугасимой единой вере.

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ художественных структур драматической поэмы Есенина «Пугачёв» и пьесы Левина «Моисей» убедительно свидетельствует об их лексико-семантических, композиционных, стилистических параллелях. Это позволяет сделать вывод об интерпретации Левиным сюжета поэмы Есенина как истории исхода израильтян из Египта, описанной в Ветхом Завете. Сопоставление поэмы «Пугачёв» с книгой Исхода, обнаруживающее сходство образов и мотивов, показывает возможность и закономерность такой интерпретации. Выявленные таким образом ветхозаветные реминисценции в совокупности с ранее уже обозначенными в есениноведении реминисценциями Нового Завета – свидетельство глубокого и цельного религиозно-философского содержания поэмы «Пугачёв».

Список литературы

1. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Чёрного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: Наследие, 2001. 687 с.
2. Пяткин С.Н. Исторический нарратив поэмы Есенина «Пугачёв» как диалог-соперничество с Пушкиным // Научный диалог. 2017. № 12. С. 237-250.

3. *Севастьянова А.А.* Пугачёв А.С. Пушкина и Пугачёв С.А. Есенина: заметки историка // Современное есениноведение. 2015. № 3 (34). С. 69-73.
4. *Сухов В.А.* «Это буйствуют россияне!» Пугачёвский бунт в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С.А. Есенина «Пугачёв» // Современное есениноведение. 2013. № 24. С. 31-38.
5. *Галиева М.А.* Фольклорная традиция в поэме В.В. Маяковского «Про это» // Научный диалог. 2015. № 6 (42). С. 8-20.
6. *Сухов В.А.* «Пугачёв» С.А. Есенина и «Заговор дураков» А.Б. Мариенгофа как художественное воплощение принципов имажинизма в драматургии (творческие параллели) // Проблемы научной биографии С.А. Есенина. Рязань: Пресса, 2010. С. 322-338.
7. *Евсина Н.А.* Роман С.А. Ауслендера «Пугачёвщина» и пугачёвская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 59-64.
8. *Шубникова-Гусева Н.И.* Рисунки Есенина как часть реального комментария к его произведениям // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 288-309.
9. *Машенкова И.О.* Ветхозаветные реминисценции: взгляд на поэму С.А. Есенина «Пугачёв» по прочтении пьесы И.М. Левина «Моисей» // Сергей Есенин и его современники. М. [и др.]: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2015. С. 354-361.
10. *Левин В.М., Левин И.М.* О Есенине и о себе. Тамбов: П.Ю. Золотов, 2016.
11. *Середа В.П.* Вениамин Левин о духовных исканиях Сергея Есенина и собственном духовном опыте // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. 2. М. [и др.]: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2017. С. 618-625.
12. *Вениамин (Федченко), митрополит.* Служение в Америке (в документах 1933–1947 гг.) / сост. Р.Ю. Просветов. М.: Отчий Дом, 2016.
13. *Горелов А.* «Моисей» // Новая заря. Нью-Йорк, 1972. 28 окт.
14. *Машенкова И.О.* «Трактат о сюрконсыансиллизме» И.М. Левина как эстетическая интерпретация «Ключей Марии» С.А. Есенина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4 (30). Т. 1. С. 20-29.
15. *Левин И.М.* Моисей. Париж: Гриф, 1971.
16. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. М.: Наука: Голос, 1995. 671 с.
17. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука: Голос, 1997. 463 с.
18. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой; коммент. Е.А. Самоделова, Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Наука: Голос, 1998. 718 с.
19. *Поль Д.В.* Народы Поволжья в поэме «Пугачёв» С.А. Есенина // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 30-34.

References

1. *Shubnikova-Guseva N.I.* *Poemy Esenina: ot «Proroka» do «Chernogo cheloveka»: tvorcheskaya istoriya, sud'ba, kontekst i interpretatsiya* [Esenin's Poems from the "Prophet" to the "Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, 687 p. (In Russian).
2. *Pyatkin S.N.* Istoricheskiy narrativ poetry Esenina «Pugachev» kak dialog-sopernichestvo s Pushkinym [Historical Narrative of Yesenin's Poem "Pugachev" As Dialogue-Rivalry with Pushkin]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 12, pp. 237-250. (In Russian).
3. *Sevastyanova A.A.* Pugachev A.S. Pushkina i Pugachev S.A. Esenina: zametki istorika [A.S. Pushkin's Pugachev and S.A. Esenin's Pugachev: the historian's notes]. *Sovremennoye eseninovedeniye – Modern Yeseninology*, 2015, no. 3 (34), pp. 69-73. (In Russian).
4. *Sukhov V.A.* «Eto buystvuyut rossiyane!» Pugachevskiy bunt v romane M.Y. Lermontova «Vadim» i tragedii S.A. Esenina «Pugachev» ["It's rampaging Russians!" Pugachev rebellion in the novel of M. Lermontov's "Vadim" and the tragedy of the S. A. Esenin's "Pugachev"]. *Sovremennoye eseninovedeniye – Modern Yeseninology*, 2013, no. 24, pp. 31-38. (In Russian).
5. *Galiyeva M.A.* Fol'klornaya traditsiya v poeme V.V. Mayakovskogo «Pro eto» [Folk tradition in V. Mayakovsky's poem "About That"]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2015, no. 6 (42), pp. 8-20. (In Russian).
6. *Sukhov V.A.* «Pugachev» S.A. Esenina i «Zagovor durakov» A.B. Mariyengofa kak khudozhestvennoye voploshcheniye printsipov imazhinizma v dramaturgii (tvorcheskiye paralleli) ["Pugachev" S.A. Yesenin

- and “The Conspiracy of Fools” by A.B. Mariengof as an artistic embodiment of the principles of imagism in drama (creative parallels)]. *Problemy nauchnoy biografii S.A. Esenina* [Problems of the Scientific Biography of S.A. Yesenin]. Ryazan, Pressa Publ., 2010, pp. 322-338. (In Russian).
7. Evsina N.A. Roman S.A. Auslendera «Pugachëvshchina» i pugachevskaya tema v sovetskoj literature 1920-kh godov [The novel “Pugachevshchina” by S. Auslender and the theme of Pugachev’s rebellion in soviet literature of the 1920-s]. *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury – World Literature in the Context of Culture*, 2013, no. 2 (8), pp. 59-64. (In Russian).
 8. Shubnikova-Guseva N.I. Risunki Esenina kak chast’ real’nogo kommentariya k ego proizvedeniyam [Yesenin’s drawings as part of the “real” commentary to his works]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 288-309. (In Russian).
 9. Mashenkova I.O. Vetkhovzavetnyye reministsentsii: vzglyad na poemu S.A. Esenina «Pugachev» po prochtenii p’yesy I.M. Levina «Moisey» [Old Testament reminiscences in S. Yesenin’s poem “Pugachov” after reading J. Levin’s drama “Moses”]. *Sergey Esenin i ego sovremenniki* [Sergey Yesenin and His Contemporaries]. Moscow [et al.], Gorky Institute of World Literature Publ., 2015, pp. 354-361. (In Russian).
 10. Levin V.M., Levin I.M. *O Esenine i o sebe* [About Yesenin and Themselves]. Tambov, P.Y. Zolotov Publ., 2016. (In Russian).
 11. Sereda V.P. Veniamin Levin o dukhovnykh iskaniyakh Sergeya Esenina i sobstvennom dukhovnom opyte [Veniamin Levin on the spiritual quest of Sergei Yesenin and his own spiritual experience]. *Sergey Esenin. Lichnost’. Tvorchestvo. Epokha. Ch. 2* [Sergey Yesenin. Personality. Creation. Epoch. Pt 2]. Moscow [et al.], Gorky Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 618-625. (In Russian).
 12. Veniamin (Fedchenkov). *Sluzheniye v Amerike (v dokumentakh 1933–1947 gg.)* [Ministry in America (1933–1947 Documents)]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2016. (In Russian).
 13. Gorelov A. «Moisey» [“Moses”]. *Novaya zarya – New Dawn*, New York, 1972, 28 Oct. (In Russian).
 14. Mashenkova I.O. «Traktat o syurkons’yansilizme» I.M. Levina kak esteticheskaya interpretatsiya «Klyuchey Marii» S.A. Esenina [“Traktat O Syurkons’yansilizme” by I.M. Levin as an aesthetic interpretation of “Klyuchi Marii” by S.A. Yesenin]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2019, no. 4 (30), vol. 1, pp. 20-29. (In Russian).
 15. Levin I.M. Moisey [Moses]. Paris, Grif Publ., 1971. (In Russian).
 16. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 1* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1995, 671 p. (In Russian).
 17. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 2* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997, 463 p. (In Russian).
 18. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 3]. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1998, 718 p. (In Russian).
 19. Pol D.V. Narody Povolzh’ya v poeme «Pugachev» S.A. Esenina [Peoples of the Volga region in the poem “Pugachev” of S.A. Esenin]. *Kul’turnoye naslediye Rossii – Cultural heritage of Russia*, 2018, no. 3, pp. 30-34. (In Russian).

Информация об авторе

Машенкова Ирина Олеговна, аспирант по направлению «Языкознание и литературоведение – русская литература», ассистент кафедры русского языка как иностранного. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; преподаватель. Биньхайский институт внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Вклад в статью: идея исследования, работа с архивными источниками, анализ литературных источников, написание, оформление и редактирование статьи.

Поступила в редакцию 05.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 14.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Irina O. Mashenkova, Post-Graduate Student in the “Linguistics and Literary Studies – Russian Literature” Direction, Assistant of the Russian as a Foreign Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Lecturer. Binhai School of Foreign Affairs of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People’s Republic of China. E-mail: vladimirmuseum@rambler.ru

Contribution: study conception, work with archival sources, literature references analysis, manuscript drafting, design and editing.

ORCID: 0000-0003-4991-3073

Received 5 November 2020
Reviewed 14 December 2020
Accepted for press 25 December 2020